

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

Если исключить грубые, дикие слова бытовых пьес, китайская сцена есть нечто исключительное по трактовке отношений к женщине, и ни один даже скромнейший европейский фарс не был бы на китайской сцене терпим.

Говоря далее, на стр. 16, об отношении актеров-учителей к своим ученикам, основанном на чувстве обоюдной справедливости, Чжу старательно обходит возмутительный институт рабства, о котором мы узнаем, например, из прекрасной статьи о китайском театре такого точного наблюдателя, как профессор-китаист Морис Куран, не говоря о многих других писателях, утверждающих то же самое. Точно так же совершенно не соответствует истине объяснение презрения, которым награждает китайского актера общество, тем только, что он происходит, обычно, из очень бедных семей (часто купленный от них), а не тем, что он подвизается на сцене. Всякому, бывавшему в Китае и наблюдавшему нравы этой страны, известно, что общество клеймит актера, во первых, за то, что он, обыкновенно, без роду и без племена: следовательно, за него никто не может поручиться, а во вторых, за широко практикуемую актерами и актрисами проституцию, частым и реальным синонимом которой они являются.

«Если бы было не так, — объясняет дальше Чжу, — то было бы мало понятно, почему древние императоры, о которых я говорил (Мин Хуан VIII в. и Чжуан-цзун X в.), с удовольствием предавались театральной игре, которая, будто, должна приносить человеку».

На самом деле, это, впрочем, понятно. При Мин Хуане театр не выходил из района двора, будучи интимным времяпровождением государя, а Чжуан-цзун, родом иностранец, за свою страсть к театру и фамильярность с актерами поплатился смертью, ибо не видел, с кем имел дело.

За исключением этих мест, всё остальное написано хорошим объективным тоном и заслуживает всяческой похвалы.

Что касается второй своей задачи: дать искомому европейскому читателю полное представление о своем театре, то здесь у Чжу можно часто констатировать недостаточную полноту. Так, историческая его справка о театре вряд ли точна и, во всяком случае, ничтожна; роли и амплу даны без достаточных обозначений (в роде: *tsing-personnage mâle maquillé*); перечень костюмов (стр. 25—26) даже знающему и видевшему ничего по существу не дает, и сами европеизованные их обозначения (*gilet, jaquette, robe de combat féminin, une sorte de diadème* и др.) мертвы и, во всяком случае, не совпадают с французскими о них представлениями; что зна-

чит «*des femmes guerrières*» на стр. 26 — не знаемому непонятно; о музыке, имеющей для китайской оперы, как и для всякой другой, всепоглощающее значение, не сказано, в общем, ничего, если исключить внешнее описание оркестра и термины музыкальных инструментов, — и что значит в приложении к китайской музыке «*une musique mâle, féminine, savante...*»? Наконец, о народных картинах, воспроизведенных в конце книги, сказано хорошо, но мало.

Кое-где хромает французская транскрипция (*chen* вм. *cheng*; *K'ouen* вм. *Kouen*; *tch'eng* вм. *tchen* и др.) и встречаются опечатки, исправить которые мы бы даже затруднились (напр. *Hausi* — *Huasi*).

В настоящее время искатели театральных новаторств, да и вообще люди искусства часто обращаются к людям, лишь поверхностно сведущим о китайском театре, с просьбой сообщить, показать, прочесть лекцию. Надеемся, что с появлением этой прекрасной книги их любознательность будет вполне удовлетворена, и это будет одною из заслуг китайца Чжу Цзяцзяня и русского живописца «Жаковеева».

В. Алексеев

— *Henri Massé. Essai sur le poète Saadi suivi d'une bibliographie. Paris. 1919. 268 pages + LXII.*

Когда европеец-путешественник попадает на Восток, первые впечатления ошеломляют его. Все вокруг ново, необычно, неожиданно. Требуется время, чтобы привыкнуть, начать разбираться в пестром kaleidoscope новой жизни. Здесь для европейца таится большая опасность: он не всегда находит силы изменить свою обычную психологию, настроиться на восточный лад и начать смотреть на все окружающее взором восточного человека. И если он не сумеет этого, то в все восприятия его тем самым будут получены в неверном аспекте, перспектива переместится, внимание устремится в ложном направлении. Вместо картины восточной жизни он создаст себе химеру, отражающую не реальную действительность, а лишь то впечатление, которое он от нее получил. Приехав на родину, он потом постарается красочно изложить все это на бумаге в виде «записок, впечатлений» и т. п. и умножит ту огромную литературу о Востоке, Востоке-химере, которая не только не знакомит читателя с истинным положением вещей, а, напротив, еще более удаляет от понимания. Такую книгу европейца о Востоке, к сожалению, напоминает солидная и добросовестная работа Массэ о Саади.

Саади (или правильнее Са'ди) не величайший, но бесспорно популярнейший поэт Персии. Его бессмертный «Гулистан»

Розовый сад) пользуется на Переднем Востоке распространением, может быть, лишь немного уступающим распространению Корана. Мудрые изречения «шейха», как его иногда зовут в Персии, живут и в устах персидского деспота и простого погонщика верблюдов. В школе, знакомясь с литературой, дети изучают рассказы Саади и запоминают на всю жизнь его звучные, полные житейской мудрости стихи. Эта популярность его явилась причиной того, что в Европе с ним познакомились раньше, чем с другими поэтами Персии. В XVII веке «Гулистан» уже пленял европейских читателей в переводах (правда, чрезвычайно неточных) дю-Риза (1634), Генция (1651) и Олсария (1654). С тех пор изучение Саади на Западе не прекращалось, литература о нем росла с каждым годом, и весьма понятно, что французскому востоковеду захотелось почти через три века после первого появления Саади в Европе сделать сводку и подвести итог работе ориенталистов.

Массэ привлекла одна особенность поэта: его, если так можно выразиться «посредственность». В самом деле, Саади гениальное воплощение этой «средней меры», *aurea mediocritas*, человек здравого смысла *par excellence*, чуждый каких бы то ни было крайностей. Восстанавливая его биографию, Массэ надеялся построить тип «нормального человека» XIII века, на примере поэта показать, чем жили люди в это тяжкое для Переднего Востока время политических катастроф. Поэтому значительная часть книги отведена биографии Саади. Массэ, исходя из разбросанных по всем творениям поэта отдельных замечаний, пытается установить его детство, отношение к родителям, школьные годы, затем переходит к его путешествиям, уделяя большое внимание восточным дорожникам той эпохи. Конечно, результаты этих исследований, за полным отсутствием точных данных, едва ли могут быть признаны реальным достижением, но во всяком случае эта работа дала повод на нескольких десятках страниц нарисовать живую и яркую картину путей сообщения того времени.

От жизни поэта Массэ переходит к произведению. Тут сказалась недостаточная продвинутость изучения восточных текстов на Западе. Массэ натолкнулся на отсутствие критических изданий текстов и в основу своего исследования положил *editio princeps*: полное собрание сочинений Саади, изданное в Калькутте в 1791 г. Харрингтоном. К сожалению, это издание в отношении точности не выдерживает ни малейшей критики. Не будет большим преувеличением сказать, что погрешностей в нем больше, нежели правильных мест. Исходя из этой редакции, Массэ неизбежно должен был составить себе о некоторых произве-

дениях Саади совершенно неправильное представление. Так, например, говоря об арабских его касыдах (стр. 110—111), он отмечает в согласии с Рюккертом, что они довольно низкопробны, не лишены грамматических ошибок и что для Саади арабский язык был приблизительно тем же, чем был латинский для средневековых ученых. Это бесспорно так, если исходить из Калькуттского издания, где арабские стихи особенно пострадали и искажены до неузнаваемости. Но стоило бы проверить издание по хорошим старым рукописям, и отзыв этот пришлось бы пересмотреть. Тогда не возникло бы ни малейших сомнений, что Саади арабским языком владел в совершенстве. Что же касается поэтического достоинства его арабских стихов, то уже одна элегия на взятые монголами Хулагу Багдада в 1258 г. настолько хороша, что едва ли кто может поколебаться в ее оценке.

Вторая часть работы Массэ посвящена Саади-мыслителю и распадается на три отдела: Саади, как член общества, Саади, как порядочный человек, и Саади, как религиозный человек. Эта часть опять доказывает большую добросовестность и тщательность Массэ, по кусочкам кропотливо слагает он свою мозаику из отдельных цитат. Если в результате мы получаем довольно бледный облик, то виной тому не исследователь. Ведь Саади — «человек толпы», характерная особенность его и заключается в том, что он почти ничем не отличается в своем мировоззрении от широкой массы современников. Та же средняя линия всюду и в морали, и в религии, понятно, что такая фигура не дает возможности расцветить себя яркими красками.

Наконец, третья часть рассматривает Саади, как поэта, с точки зрения эстетики. Это безусловно самая слабая часть книги. Массэ подходит к Саади с эстетической меркой, установленной на основании выработанного во Франции XVIII—XIX веков поэтического канона. Ссылаются сравнения с Гюго, Ламартином и даже Эрдия. То, что совпадает с меркой, Массэ признает прекрасным, не совпадающее пытается оправдать; в конечном результате получается вывод, что *l'apologie l'a emporté sur la critique* (стр. 268).

Но нуждается ли Саади в таком заступничестве? Можно ли мерить его западной меркой? Массэ цитирует Ренана «*Saadi est vraiment un des nôtres*» (стр. 266) и соглашается с ним. Я позволю себе не согласиться с этой оценкой. Если в XVIII веке для западного филолога было вполне обычно все мерить на свой аршин, ко всему прилагать свой канон, то в XX веке такая метода должна быть решительно отвергнута. Критерий для оценки Саади не во французском каноне XIX века, уже отжившем и даже к западной поэзии XX века не при-

ложным. Филолог должен уметь найти этот критерий в исторической обстановке, в которой создавалось данное произведение. Если он не сумеет этого, он не может быть назван настоящим филологом. Если я оцениваю Саади по Гюго, то ведь тогда я могу сделать и обратное: попытаться Гюго подогнать под Саади; почему одно сделать я в праве, другое же нет? Такая работа есть только, так сказать, известное самоуслаждение *pro domo sua*, для других она никакой обязательности иметь не будет. Не стоило затрачивать такой большой труд и чисто ученую добросовестность, чтобы притти к такому ничтожному результату. В заключение следует библиография Саади, составленная весьма тщательно, но избивающая пробелами.

В общем, впечатление от книги получается двойственное: с одной стороны видишь ученого в полном всеоружии аппарата современной восточной филологии, способного к детальным кропотливым исследованиям и удачно проводящего их, с другой — находишь много мелких неточностей, несогласных с основательным тоном всей работы. Становится непонятным, для кого предназначена эта книга; если для широких масс, то в ней слишком много лишнего научного балласта, делающего книгу для рядового читателя скучной; если для востоковеда, то почему, например, ссылки даются почти исключительно на переводы? Можно возразить, что помехой для ссылки на тексты было отсутствие критических изданий. Но цитируются чаще всего «Гулистан» и «Бустан», а и то, и другое имеется в прекрасных доступных любому ориенталисту изданиях.

Все же, несмотря на некоторые недостатки, приходится приветствовать появление этой книги. Ряд монографий, посвященных крупнейшим представителям персидской литературы, принадлежит уже давно к числу *ria desideria* всех иранистов. Без этого невозможно приступить ни к каким работам общего характера. Но пример Массэ лишней раз подтверждает и без того очевидный факт: монографии эти только тогда будут носить действительно научный характер, когда они будут основываться на критических изданиях. Отсутствие таких — бич иранской филологии и помеха для правильного ее развития. Хотелось бы обязать всех иранистов издать хоть по одному тексту классического периода персидской литературы, чтобы в конце концов для нее было сделано то, что уже давно сделано для филологии классической. Лишь тогда мы сможем действительно говорить о научной постановке проблемы, лишь тогда сможем надеяться на быстрый и неуклонный прогресс в изучении Востока.

Е. Б.

— *Robert Gauthiot. Essai de Grammaire Sogdienne, avec préface de A. Meillet. Première partie — Phonétique; avec une planche et deux cartes. Paris. 1914 — 1923, Librairie Paul Geuthner (Mission Pelliot en Asie Centrale, série petit in octavo, tome I).*

Уже около 10 лет иранисты и лингвисты с нетерпением ожидали выхода в свет этой замечательной книги. Она была до сих пор известна лишь тесному кругу ученых, получивших в свое время от автора сброшюрованные листы ее — на правах рукописи. Книга печаталась в Лувене, и, после занятия его, во время войны, германцами, не могла уже быть издана самим автором, отделенным войною от типографии, в которой книга печаталась. В 1916 г. автор скончался от последствий контузии, полученной им на войне, и только благодаря стараниям близких друзей покойного удалось ныне ее выпустить. Хотя типография, в которой книга печаталась, сожжена, и таким образом погибла и рукопись, но, к счастью, в брошюрочной, находившейся в другой части города, не пострадавшей от пожара, сохранились отпечатанные листы книги, и ее удалось восстановить, за исключением последних шести страниц, которые пришлось уже издать анастатическим способом на основании одного из экземпляров, о которых речь была выше.

Настоящий выпуск — первая часть труда — представляет собою только фонетику согдийского языка; морфология, большую часть которой (спряжение глаголов) успел еще написать Готто, выйдет, как говорит в предисловии А. Мейе, в непродолжительном времени; недостающая часть морфологии (глава об имени) выйдет из-под пера молодого французского ираниста Бенвениста.

Книга состоит, кроме обстоятельного введения (XVIII страниц), из двух частей, из которых первая (22 страницы) посвящена изложению особенностей согдийского письма и мастерски расшифровывает звуковую состав языка, скрывающийся за алфавитом. Выдающийся лингвист Готто, делающий честь своей школе, отлично справился с этой задачей. Во второй части автор излагает фонетику; глава I-я — об ударении; II-я — о начале слов; III-я — о гласных; IV-я — о полугласных; V-я — о согласных; VI-я — о конце слов. К книге приложены две карты: Согдианы и Центральной Азии и таблица согдийского алфавита. Перу учителя Готто, А. Мейе, принадлежат предисловие и некоторое количество прибавлений и исправлений (3 стр.) впереди книги.

С выходом в свет согдийской грамматики Готто лингвистическая литература обогащается ценнейшим вкладом в науку. Воскресает новый язык и открывается широкое поле языковедных исследований. Памятники согдийского языка, о которых